

·thebigbook·

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ВЛАДЫКИ РИМА

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК В РИМЕ

БИТВА ЗА РИМ

ФАВОРИТЫ ФОРТУНЫ

ЖЕНЩИНЫ ЦЕЗАРЯ

ЦЕЗАРЬ, ИЛИ ПО ВОЛЕ СУДЬБЫ

ПАДЕНИЕ ТИТАНА,
ИЛИ ОКТЯБРЬСКИЙ КОНЬ

АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

КОЛИН МАККАЛОУ

АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

Роман

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44
М 15

Colleen McCullough
ANTONY AND CLEOPATRA

Copyright © Colleen McCullough, 2007

This edition published by arrangement with InkWell Management LLC
and Synopsis Literary Agency
All rights reserved

Перевод с английского Антонины Костровой

Иллюстрации Колин Маккалоу

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Карты выполнены Вадимом Пожидаевым-мл.

ISBN 978-5-389-18288-2

© А. П. Кострова, перевод, 2011
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

*Непотопляемому Энтони Читаму
с любовью и огромным уважением*

Список карт и иллюстраций

Карты

Восток Антония	14–15
Александрия после Александрийской войны	45
Запад Октавиана	137
Марш Антония к Фрааспе	371
Ближние провинции	399
Египет Клеопатры	509
Кампания 31 г. до Р. Х. Битва при Акции	604

Иллюстрации

Марк Антоний	10
Гай Юлий Цезарь Октавиан	122
Октавия	252
Ливия Друзилла	252
Клеопатра	352
Марк Випсаний Агриппа	546
Цезарь Август	702

I
АНТОНИЙ
НА
ВОСТОКЕ

41 г. до Р. Х. — 40 г. до Р. Х.

ANTONY

MARCUS ANTONIUS

Col

1

Квинт Деллий не был военным человеком, и участвовать в битвах ему не доводилось. У него был другой конек: он умел дать совет начальникам, да так тонко, что у них складывалось впечатление, будто это они все придумали.

После сражения у Филипп, где Октавиан и Антоний разбили войска Брута и Кассия, а сам Деллий ничем не отличился, но и не вызвал неудовольствия у своих командиров, он решил примкнуть к Марку Антонию и поехать с ним на Восток.

В Риме оставаться было нельзя, и Деллий, поразмыслив, понял это. Там все сводилось к выбору, на чью сторону встать во всеобщей судорожной борьбе между теми, кто вознамерился контролировать Рим... — нет, будь честен, Деллий! — править Римом. После того как Брут, Кассий и прочие убили диктатора, все подумали, что Марк Антоний, близкий родственник Цезаря, наследует его имя, состояние и миллионы его клиентов. Но что сделал Цезарь? Написал завещание, по которому все оставил своему восемнадцатилетнему внучатому племяннику Гаю Октавию! Антония он даже не упомянул в документе, — от этого удара Антоний, уверенный, что именно он получит высокие красные башмаки Цезаря, так и не оправился. Но не в характере Антония быть вторым на финише. Поначалу юноша, которого теперь все называли Октавианом, не беспокоил его. Антоний был в расцвете сил, знаменитый военачальник, глава крупной фракции в сенате, а Октавиан — болезненный юноша, и казалось, что раздавить его так же легко, как жука. Но так же легко не получилось, и Антоний не знал, как поступить с хитрым смазливый мальчишкой, обладающим умом и мудростью семидесятилетнего старца. Большинство римлян подозревали, что Антоний, имевший дурную славу транжире и нуждавшийся в деньгах Цезаря, чтобы рас-

платиться с долгами, принимал участие в заговоре, и его поведение после убийства Цезаря только укрепило эти подозрения. Он не делал попыток наказать заговорщиков, напротив, он их оправдал. Но Октавиан, очень любивший Цезаря, постепенно подрывал авторитет Антония и в конце концов заставил его объявить убийц вне закона. Как он это сделал? Склонил большую часть легионов Антония на свою сторону, завоевал любовь римского народа и украл тридцать тысяч талантов из военной казны Цезаря, причем так виртуозно, что никому, даже Антонию, не удалось доказать, что вором был Октавиан. Поскольку у Октавиана оказались и солдаты, и деньги, у Антония не оставалось выбора, ему пришлось считаться с Октавианом. В это время Брут и Кассий стали претендовать на власть. Союзники поневоле, Антоний и Октавиан повели свои легионы в Македонию и встретили войска Брута и Кассия у города Филиппы. Это была важная победа для Антония и Октавиана, но она не решила их главной проблемы: кто в конце концов будет Первым человеком в Риме, некоронованным царем, поддерживающим иллюзии, что Рим — это республика, которой управляют сенат и несколько народных собраний. Вместе сенат и народ Рима: *senatus populusque Romanus, SPQR*.

Как обычно, мысли Деллия вернулись к Антонию. Да, у Филипп одержана победа. Но у Антония нет жизнеспособной стратегии, как потеснить Октавиана. Антоний — это стихия, он сильный, импульсивный, вспыльчивый и абсолютно недалководный. Он обладает огромным личным обаянием, привлекая людей своими чисто мужскими качествами: храбростью, геркулесовым сложением, заслуженной репутацией потрясающего любовника, умом, которого хватает, чтобы произносить громовые речи в сенате. Его слабости простительны, поскольку свойственны всем настоящим мужчинам: приверженность плотским утехам и безрассудная расточительность.

Антоний решил проблему следующим образом: предложил Октавиану разделить между ними Римский мир, бросив подачку Марку Лепиду, верховному понтифику и главе большой фракции в сенате. Шестьдесят лет постоянных гражданских

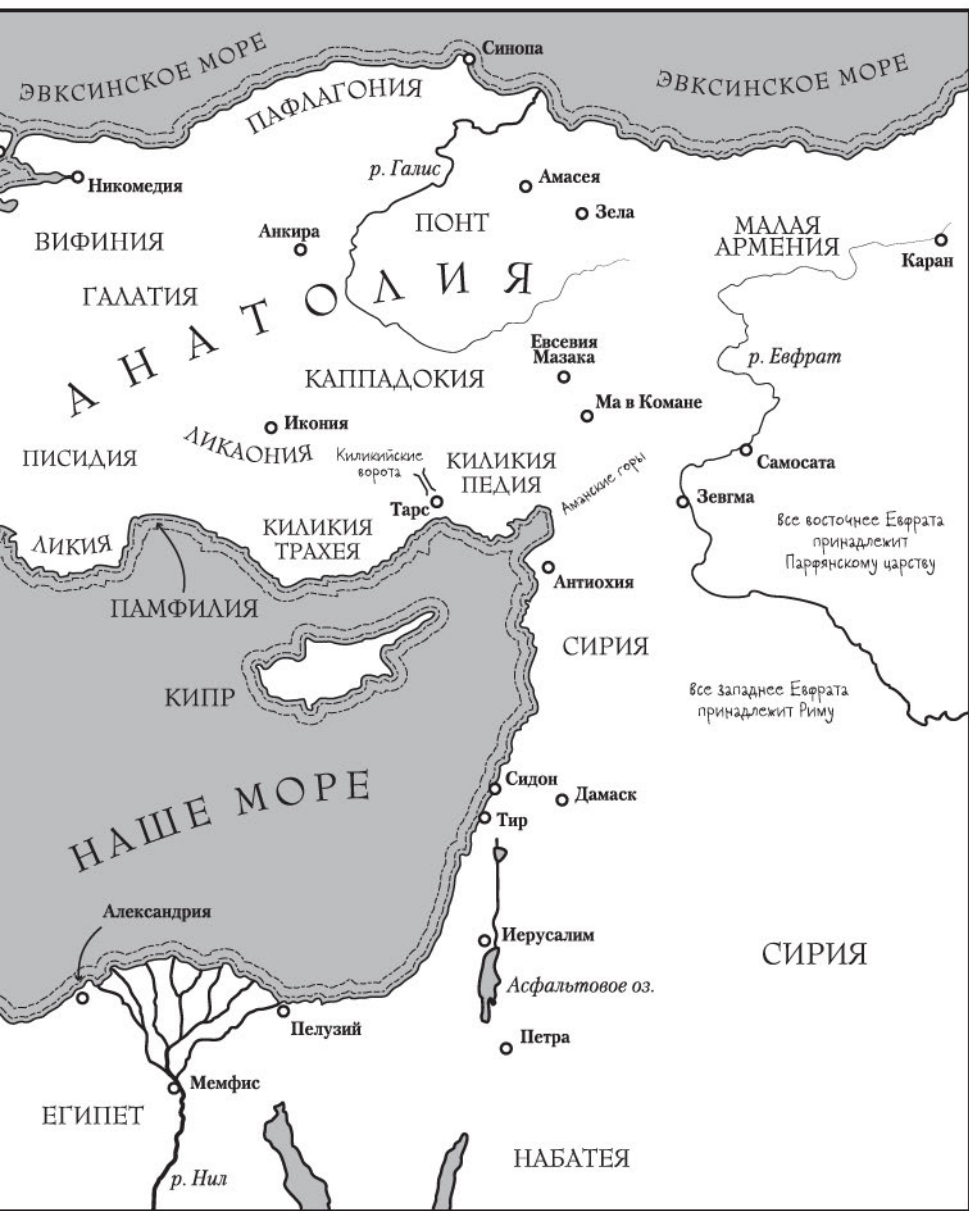
войн обессилили Рим, чей народ, как и народ Италии, стонал от низких доходов, нехватки хлеба и растущего убеждения, что правящая верхушка — некомпетентна и продажна. Не желая видеть, как меркнет его слава, Антоний решил, что он заберет львиную долю себе, а остатки отдаст этому шакалу Октавиану.

Итак, после Филипп победители поделили провинции в пользу Антония. Октавиан получил самые незавидные территории: Рим, Италию и большие острова Сицилию, Сардинию и Корсику, где выращивали пшеницу для жителей Италии, уже давно неспособных прокормить себя самостоятельно. Это была весьма характерная для Антония тактика: Рим и Италия видели только Октавиана, и одновременно повсеместно усиленно распространялись слухи о великих подвигах Антония в заморских краях. Октавиан был мишенью для недовольства, а Антоний пожинал лавры вдали от центра государства. Что касается Лепида, ему досталась другая житница — Африка, сущее захолустье.

Стоит ли говорить о том, что Марк Антоний получил львиную долю! Не только провинций, но и легионов. Не было у него лишь денег, которые он рассчитывал выжать из Востока, этой курицы, не перестающей нести золотые яйца. Разумеется, все три Галлии он взял себе. Это были западные провинции, но Цезарь усмирил их, и они были достаточно богатые, чтобы финансировать будущие кампании Антония. Его доверенные военачальники командовали многочисленными галльскими легионами, так что Галлия могла обойтись без его присутствия.

Цезаря убили за три дня до похода на Восток, где он намеревался завоевать сказочно богатое и грозное Парфянское царство, чтобы с помощью добытых трофеев вновь поставить Рим на ноги. Он планировал отсутствовать пять лет и все продумал с присущей ему легендарной гениальностью. А теперь, когда Цезарь мертв, это Марк Антоний победит парфян и вновь поставит Рим на ноги. Антоний детально изучил планы Цезаря, демонстрирующие блестящий ум старика, и решил, что может усовершенствовать их. К такому выводу его во многом подвигли товарищи, которые пошли с ним на Восток. Все

они были подхалимы и отлично знали, как подыграть такой важной птице, как Марк Антоний, равнодушной к славе и лести.

К сожалению, Квинт Деллий пока не имел возможности давать советы Марку Антонию, хотя и его совет был бы лестью, бальзамом для самолюбия Антония. Итак, пустившись в путь по Эгнатиевой дороге на злобной, раздражительной лошадке, испытывая боль в намятых яйцах и свисающих без опоры ногах, Квинт Деллий ждал своего шанса, который все еще не представился к тому времени, как Антоний пересек границу Азии и остановился в Никомедии, столице его провинции Вифинии.

Каким-то образом все властители и цари — клиенты Рима на Востоке учуяли, что великий Марк Антоний направится в Никомедию, и поспешили туда, заняв лучшие гостиницы или раскинув роскошные лагеря на окраине города, расположенного в красивом месте на берегу спокойной безмятежной бухты, которое очень любил покойный Цезарь. Никомедия по-прежнему выглядела процветающей, так как Цезарь освободил ее от налогов, а Брут и Кассий, спешившие на запад в Македонию, не рискнули пойти дальше на север, чтобы разграбить ее так, как они грабили сотни городов от Иудеи до Фракии. Во дворце из розового и пурпурного мрамора, в котором остановился Антоний, для легатов, таких как Деллий, нашлось крохотной комнатке, где Деллий смог разместить багаж и старшего из своих слуг, вольноотпущенника по имени Икар. Покончив с этим, Деллий отправился посмотреть, что происходит вокруг, и обдумать, как заполучить место на ложе достаточно близко к Антонию, чтобы принять участие в беседе Великого человека за обедом.

Смертельно бледные, с бьющимися сердцами, цари толпились в залах, трясаясь от страха, потому что они поддерживали Брута и Кассия. Прибыл даже старый царь Галатии Дейотар, старший по возрасту и по годам службы, в сопровождении двух из своих многочисленных сыновей, его любимцев по мнению Деллия. Попликола, близкий друг Антония, представил

ему Дейотара, но потом растерялся: слишком много лиц и мало лет службы на Востоке, чтобы узнать их всех.

Скромно улыбаясь, Деллий ходил между группами людей в заморских одеяниях, и глаза его поблескивали при виде особенно большого изумруда или расшитых золотом головных уборов. Конечно, он хорошо знал греческий и смог побеседовать с этими самодержцами стран и народов. Его улыбка становилась шире при мысли, что, несмотря на изумруды и золото, все явились сюда засвидетельствовать почтение Риму, их полновластному господину. Риму, у которого не было царя, чьи старшие магистраты носили простую белую тогу с пурпурной каймой, а железное кольцо иных сенаторов ценилось выше золота. Железное кольцо означало, что члены римской семьи в течение пятисот лет периодически занимали государственные посты. Эта мысль заставила бедного Деллия спрятать свое золотое сенаторское кольцо в складках тоги. Ни один Деллий еще не становился консулом, ни один Деллий не прославился хотя бы сотню лет назад, не говоря уже о пяти. У Цезаря было железное кольцо, а у Антония нет. Антонии — не столь древний род. И кольцо Цезаря перешло к Октавиану.

Воздуха, воздуха! Ему нужен свежий воздух!

Дворец был построен вокруг огромного сада перистилия, в середине которого, в длинном неглубоком бассейне, бил фонтан. Фонтан из чисто-белого парфянского мрамора, украшенный скульптурными изображениями тритонов и дельфинов, не был реалистично расписан, — большая редкость. Тот, кто создал это замечательное творение, был мастером. Знаток искусства, Деллий так быстро устремился к фонтану, что не заметил, что кто-то уже опередил его и сидит, опустив голову, на широком краю бассейна. Когда Деллий приблизился, человек поднял голову. Теперь встречи нельзя было избежать.

Это оказался иностранец, знатный, ибо на нем была дорогая одежда из златотканого тирского пурпура. На голове с сальными черными кудрями, вьющимися как змеи, красовалась шапочка из золотой парчи. Деллий видел много восточных людей и знал, что кудри сальны не от грязи. Их смазывали душистыми маслами. Большинство царей-просителей были

греками, чьи предки жили на Востоке веками. Но этот человек был иного происхождения, и Деллий сразу это понял, потому что в Риме жило много людей, похожих на него. Конечно, не наряжавшихся в тирский пурпур и золото, а предпочитавших домотканые одежды темных цветов. Он не мог ошибиться. Тот, кто сидел на краю фонтана, был евреем.

— Можно присоединиться? — спросил Деллий на греческом, сопровождая вопрос обворожительной улыбкой.

Такая же обворожительная улыбка появилась на лице незнакомца с массивным двойным подбородком. Жестом руки с ухоженными ногтями он пригласил Деллия присесть, сверкнув кольцами.

— Пожалуйста. Я — Ирод из Иудеи.

— А я — Квинт Деллий, римский легат.

— Я не мог вынести столпотворения в помещении, — объяснил Ирод, опустив уголки толстых губ. — Тьфу! Некоторые из этих неблагодарных не мылись с тех пор, как повитуха вытерла их грязной тряпкой.

— Ты сказал — Ирод. Не царь, не царевич?

— У меня должен быть титул! Моим отцом был Антипатр, идумейский царевич, который был правой рукой еврейского царя Гиркана. Потом приспешники претендента на трон убили его. Отца очень любили римляне, включая Цезаря. Но я расправился с его убийцей, — довольно произнес Ирод. — Я видел, как он умирал, валяясь на вонючих трупах моллюсков в Тире.

— Смерть не для еврея, — заметил Деллий со знанием дела.

Он внимательнее присмотрелся к Ироду, пораженный уродством этого человека. Ирод был очень похож на Мецената, близкого друга Октавиана, хотя их предки происходили из совершенно разных мест. Оба они напоминали лягушек. У Ирода были глаза навывкате, но не голубые, как у Мецената, а тусклого цвета черного обсидиана.

— Насколько я помню, — продолжал Деллий, — весь юг Сирии встал на сторону Кассия.

— Включая евреев. И я лично признателен этому человеку, несмотря на то что Рим Антония считает его предателем. Он разрешил мне прикончить убийцу моего отца.

— Кассий был воином, — грустно промолвил Деллий. — Если бы и Брут был воином, сражение у Филипп могло бы закончиться совсем по-другому.

— Птицы щебечут, что у Антония тоже был неумелый партнер.

— Странно, до чего громко могут щебетать птицы, — ухмыльнулся Деллий. — Так что привело тебя к Марку Антонию, Ирод?

— Ты, наверное, заметил пятерых убого одетых воробьев среди стаи ярких фазанов там, внутри?

— Нет. Все выглядели для меня как яркие фазаны.

— О, они там, мои пять воробьев из синедриона! Демонстрируют свою исключительность, стоя от остальных как можно дальше.

— Это значит, что они торчат в углу, за колонной.

— Правильно, — кивнул Ирод, — но, когда появится Антоний, они выступят вперед, стая и бия себя в грудь.

— Ты еще не сказал мне, почему ты здесь.

— На самом деле там больше пяти воробьев. Я, как сокол, слежу за ними. Они намерены увидеть триумвира Марка Антония и изложить ему свое дело.

— Какое дело?

— Что я плету интриги против законных наследников и что мне, иноверцу, удалось настолько втереться в доверие к царю Гиркану и его семье, что меня считают женихом дочери царицы Александры. Это кратко. Чтобы выслушать полную версию, понадобятся годы.

Деллий удивленно прищурил хитрые карие глаза:

— Иноверец? Кажется, ты сказал, что ты еврей.

— Не по закону Моисея. Мой отец женился на набатейской царевне Кипре. Арабке. А поскольку евреи считаются евреями по материнской линии, дети моего отца стали иноверцами.

— Тогда чего ты надеешься добиться здесь, Ирод?

— Всего, если мне разрешат сделать то, что необходимо. Евреям нужна твердая рука — спроси любого римского наместника Сирии с тех пор, как Помпей Великий сделал Сирию про-

винцией. Я намерен быть царем евреев, нравится им это или нет. И стану им, если женюсь на царевне из династии Хасмонеев, ведущей свой род от Иуды Маккавея. Наши дети будут евреями, а я намерен иметь много детей.

— Значит, ты здесь, чтобы защищать себя? — спросил Деллий.

— Да. Делегация синедриона потребует, чтобы меня и всех членов моей семьи выслали под страхом смерти. Сами они не могут это сделать без разрешения Рима.

— Да, трудная задача, если принять во внимание поддержку Кассия! — весело воскликнул Деллий. — Антонию надо будет выбирать между двумя фракциями, которые поддерживали не того человека.

— Но мой отец поддерживал Юлия Цезаря, — возразил Ирод. — Мне только надо убедить Марка Антония, что, если мне разрешат жить в Иудее, я всегда буду на стороне Рима. Он был в Сирии несколько лет назад, когда Габиний служил там наместником, так что Антоний знает, какой беспокойный народ евреи. Но вспомнит ли он, что мой отец помогал Цезарю?

— Хм, — промычал Деллий, щурясь на радугу водяных брызг, бьющих изо рта дельфина. — Почему Марк Антоний должен помнить об этом, если совсем недавно ты был человеком Кассия? Догадываюсь, как и твой отец до своей смерти.

— Я неплохой адвокат и смогу защитить себя.

— При условии, что тебе дадут шанс.

Деллий поднялся, тепло пожал руку Ирода.

— Желаю тебе успеха, Ирод из Иудеи. Если я сумею помочь тебе, то помогу.

— Я буду очень благодарен.

— Ерунда! — засмеялся Деллий, уходя. — Нет у тебя таких денег.

Марк Антоний был на удивление трезв с тех пор, как отправился на Восток, однако шестьдесят человек в его окружении ожидали, что Никомедия увидит сибарита Антония. По этой же причине, узнав о его появлении по соседству, из Византия поспешила группа музыкантов и танцовщиц, поскольку

ку от Испании до Вавилонии каждый член Общества актеров — поклонников Диониса знал имя Марка Антония. К всеобщему изумлению, Антоний отпустил музыкантов, наградив их золотом, и продолжал оставаться трезвым, хотя и с тоскливым выражением на красиво-безобразном лице.

— Ничего не поделаешь, Попликола, — вздохнув, сказал он своему лучшему другу. — Ты видел, сколько царей стояло вдоль дороги, когда мы въезжали? Сколько их устремилось в залы, как только распорядитель открыл двери? Все они здесь, чтобы опередив остальных, урвать что-нибудь у Рима — и у меня. Но я не поддамся. Я выбрал Восток не как свою вотчину, чтобы забрать богатства, которые имеются здесь в таком изобилии. Я буду судить от имени Рима с ясной головой и со спокойным желудком. Луций, ты помнишь, как возмутился Цицерон, когда меня вырвало прямо на твою тогу на ростре? — засмеялся Антоний. — Сначала дело, Антоний, дело! — обратился он к себе самому. — Они провозгласили меня новым Дионисом, но они скоро увидят, что на это время я — суровый старый Сатурн. — В коричнево-рыжих глазах, слишком маленьких и близко посаженных, чтобы понравиться портретисту, блеснул озорной огонек. — Новый Дионис! Бог вина и наслаждений. Должен сказать, мне нравится это сравнение. Лучшее, что они сделали для Цезаря, — провозгласили его просто богом.

Зная Антония с детства, Попликола не сказал, что просто бог выше бога того или сего. Его главной заботой было следить за Марком, чтобы он не утратил дееспособности, поэтому он с облегчением выслушал речь Антония. Таков был Антоний. Он мог вдруг прервать порой длившиеся месяцами попойки, особенно когда брало верх чувство самосохранения. Как это произошло сейчас. И Антоний был прав. Нашествие властителей влекло неприятности и тяжелую работу, поэтому ему надо было узнать их всех и решить, какие правители сохраняют свои троны, а какие — потеряют. Другими словами, какие правители лучше для Рима.

Учитывая все это, у Деллия появилась слабая надежда, что в Никомедии он достигнет своей цели и станет ближе к Анто-

нию. И тут в дело вмешалась Фортуна: началось все с того, что обед перенесли на вечер. И когда взгляд Антония скользил по шестидесяти римлянам, входившим в столовую, по непонятной причине он остановился на Квинте Деллии. Что-то в нем нравилось великому человеку, хотя Антоний не мог определить, что именно. Может быть, Квинт Деллий умел успокаивать, проливая бальзам своего красноречия на самые неприятные темы.

— Стой, Деллий! — рявкнул Антоний. — Присоединяйся ко мне и Попликоле!

Братья Децидии Саксы, Барбат и несколько других оцетинились, но никто не промолвил ни слова, когда обрадованный Деллий сбросил на пол тогу и сел на край ложа, образующего низ буквы «U». Пока слуга поднимал тогу и складывал ее — трудная работа! — другой слуга снял с Деллия обувь и омыл ему ноги. Деллий не допустил ошибки и не сел на *locus consularis*. Туда сядет Антоний, а Попликола займет середину. Деллию отводится дальний конец ложа, наименее почетное место, но какой взлет для него! Он чувствовал, как все присутствующие сверлят его взглядами, пытаясь догадаться, что он сделал такого, чтобы заслужить это продвижение.

Блюда были изысканными, хоть и не совсем в римском вкусе: слишком много баранины, отварной рыбы, странные приправы, незнакомые соусы. Однако присутствовал слуга, ответственный за перец, со ступкой и пестиком. А стоило римскому гурману щелчком пальцев потребовать щепотку свежемолотого перца, все становилось съедобным, даже германская вареная говядина. Было вдоволь самосского вина, хотя и разбавленного водой. Как только Деллий увидел, что Антоний пьет его с водой, он сделал то же самое.

Сначала Антоний молчал, но, когда унесли основные блюда и подали сласти, он громко рыгнул, похлопал по своему плоскому животу и довольно вздохнул.

— Деллий, что ты думаешь об этом сборище царей и царевичей? — приветливо спросил он.

— Очень странные люди, Марк Антоний, особенно для того, кто никогда не был на Востоке.

— Странные? Ага, странные, согласен! Хитрые, как помойные крысы, у них больше лиц, чем у Януса, и кинжалы такие острые, что ты и не почувствуешь, как они окажутся у тебя между ребер. Удивительно, что они поддержали Брута и Кассия против меня.

— Не так уж удивительно, — промолвил Попликола, который очень любил сладкое и наслаждался засахаренным в меду кунжутом. — Они допустили ту же ошибку с Цезарем, поддерживав Помпея Магна. Ты вел кампании на Западе, как и Цезарь. Они не знали тебя. Брут был никем, но Гай Кассий был овеня мистической славой. Он избежал смерти с Крассом у Карр, потом очень хорошо управлял Сирией в преклонном возрасте тридцати лет. О Кассии ходили легенды.

— Я согласен, — сказал Деллий. — Их мир ограничен восточным концом Нашего моря. Что происходит в обеих Испаниях и Галлиях на западном конце — им неизвестно.

— Правильно. — Антоний скривился при виде сладких блюд на низком столе перед ложем. — Попликола, вымой лицо! Я не знаю, как ты можешь переваривать эту медовую кашу.

Попликола отодвинулся, а Антоний взглянул на Деллия с выражением, которое говорило, что он понимает многое из того, что Деллий надеялся утаить: бедность, статус «нового человека», чрезмерные амбиции.

— Привлек ли кто-то из этих помойных крыс твое внимание, Деллий?

— Один, Марк Антоний. Еврей по имени Ирод.

— Ага! Роза среди пяти сорняков.

— Он уподобил себя птице — сокол среди пяти воробьев.

Антоний утробно засмеялся.

— Ну, при наличии Дейотара, Ариобарзана и Фарнака не думаю, что у меня хватит времени оказать внимание полудюжине задиристых евреев. Неудивительно, что пять сорняков ненавидят нашу розу Ирода.

— Почему? — спросил Деллий, принимая заинтересованный вид.

— Во-первых, его регалии. Евреи не одеваются в золото и тирский пурпур — это против их законов. Никаких царских

украшений, никаких изображений, а свое золото они хранят в Большом храме. Красс ограбил Большой храм, взяв оттуда две тысячи талантов золота, прежде чем отправиться завоевывать Парфянское царство. Евреи прокляли его, и он умер постыдной смертью. Затем пришел Помпей Магн, прося золота, потом Цезарь, потом Кассий. Они надеются, что я так не сделаю, хотя знают наверняка, что я так и поступлю. Как Цезарь, я потребую у них сумму, равную той, какую просил Кассий.

Деллий нахмурился.

— Я не... э-э...

— Цезарь потребовал сумму, равную той, которую они дали Помпею.

— О, понимаю! Прости мое невежество.

— Мы все здесь, чтобы учиться, Квинт Деллий, и ты поразительно быстро учишься. Поэтому расскажи мне об этих евреях. Чего хотят сорняки и чего хочет роза Ирод?

— Сорняки хотят изгнать Ирода под страхом смерти, — ответил Деллий, отказавшись от птичьей метафоры. Если Антонию больше нравится собственная, то и Деллию тоже. — Ирод хочет, чтобы римским декретом ему было разрешено свободно жить в Иудее.

— А кто принесет больше пользы Риму?

— Ирод, — ответил Деллий, не раздумывая. — Он может не быть евреем, согласно их законам, но он хочет править ими, женившись на какой-то царевне благородных кровей. Если это ему удастся, я думаю, у Рима будет преданный союзник.

— Деллий, Деллий! Неужели ты считаешь, что Ирод способен на преданность?

Лицо Деллия, похожего на фавна, озарилось лукавой усмешкой.

— Конечно, если это будет в его интересах. А поскольку он знает, что народ, которым он хочет править, ненавидит его настолько, что готов убить при малейшей возможности, Рим всегда будет больше отвечать его интересам, чем евреи. Пока Рим его союзник, он защищен от всего, кроме яда и засады. И я не думаю, что он станет есть или пить, не дав слуге пред-

варительно все попробовать, да и шагу не ступит без охраны из неевреев, которым станет очень щедро платить.

— Спасибо, Деллий!

Попликола втиснулся между ними.

— Одну проблему уже решил, да, Антоний?

— С помощью Деллия. Убери все! — громко крикнул Антоний слуге. — Где Луцилий? Мне нужен Луцилий!

Наутро пять членов еврейского синедриона оказались первыми в списке просителей, озвученном глашатаем Марка Антония. Антоний был одет в тогу с пурпурной каймой, в руке он держал простой жезл из слоновой кости — знак его высоких полномочий. Это была импозантная фигура. Рядом с ним находился его любимый секретарь Луцилий, раньше служивший Бруту. Двенадцать ликторов в малиновых туниках стояли по обе стороны от его курульного кресла слоновой кости. Топорики в пучках прутьев были опущены. Антоний с ликторами расположился на возвышении, чтобы толпившиеся в зале просители хорошо их видели.

Глава делегации синедриона начал свою речь на хорошем греческом, но так цветисто и извилисто, что ему потребовалось много времени, чтобы сообщить, кто они и что заставило их проделать столь далекий путь и искать встречи с триумвиром Марком Антонием.

— О, заткнись! — вдруг рявкнул Антоний. — Заткнись и возвращайся домой! — Он выхватил у Луцилия свиток, развернул его и свирепо потряс им. — Этот документ нашли среди бумаг Гая Кассия после Филипп. Здесь говорится, что только Антипатру, опекуну так называемого царя Гиркана, и его сыновьям Фазаелю и Ироду удалось собрать золото для Кассия. Евреи не дали ничего, кроме кубка с ядом для Антипатра. Оставляя в стороне тот факт, что золото было предназначено для неправого дела, мне ясно, что евреи значительно больше любят золото, чем Рим. Когда я приду в Иудею, что изменится? Да ничего! В Ироде я вижу человека, готового платить Риму дань и налоги, которые идут — напоминаю вам — на под-

держание мира и благополучия ваших государств! Когда вы отдавали золото Кассию, вы просто финансировали его армию и флот! Кассий был изменником, он взял то, что по праву принадлежит Риму! Ага, ты трясешься от страха, Дейотар? Поделом тебе!

«А я и забыл, — думал Деллий, слушая Антония, — как резко он умеет выражаться. Он использует евреев, чтобы дать знать им всем, что милосердия от него они не дождутся».

Антоний вернулся к теме.

— От имени сената и народа Рима я постановил: Ирод, его брат Фазаель и вся его семья могут жить на любой территории, принадлежащей Риму, включая Иудею. Я не могу помешать Гиркану называть себя царем среди своего народа, но в глазах Рима он не более чем этнарх. Иудея не является единым государством. Это пять небольших областей, расположенных вокруг южной части Сирии. И она останется пятью небольшими областями. Гиркан может править Иерусалимом, Газарой и Иерихоном. Фазаель, сын Антипатра, будет тетрархом Сепфориса. Ирод, сын Антипатра, будет тетрархом Амата. И предупреждаю! Если в южной части Сирии случится какая-нибудь заварушка, я раздавлю евреев, как яичную скорлупу!

«Я сделал это, я сделал это! — мысленно воскликнул Деллий, готовый взорваться от счастья. — Антоний послушал меня!»

Ирод ждал у фонтана, но лицо его было белым, осунувшимся, он не светился от счастья, как надеялся Деллий. В чем дело? Что могло случиться? Ведь он приехал бедняком, лишенным гражданства, а уедет тетрархом.

— Ты недоволен? — удивился Деллий. — Ты победил, Ирод, и тебе даже не пришлось защищаться.

— Почему Антоний возвысил и моего брата? — вдруг резко спросил Ирод, обращаясь в пространство. — Он уравнил нас! Как я могу жениться на Мариамне, когда Фазаель не только равен мне, но и выше меня? Это Фазаель женится на ней!

— Спокойно, спокойно, — тихо сказал Деллий. — Это все в будущем, Ирод. А сейчас радуйся решению Антония, ведь

ты получил больше, чем надеялся. Он на твоей стороне, пяти воробьям только что подрезали крылья.

— Да-да, я понимаю, Деллий, но этот Марк Антоний умный! Он хочет того, чего хотят все дальновидные римляне, — равновесия. Оставить меня одного наравне с Гирканом — это решение не римлянина. Фазаель и я на одной чаше, Гиркан — на другой. О, Марк Антоний, ты умен! Цезарь был гением, а тебя считали болваном. Но я увидел второго Цезаря.

Деллий смотрел, как, тяжело ступая, удаляется Ирод. Мозг его усиленно работал. «Между кратким разговором за обедом и сегодняшней аудиенцией Марк Антоний провел кое-какие разыскания. Вот почему он позвал Луцилия! Какие же плуты они с Октавианом! Прикидывались, будто сожгли все бумаги Брута и Кассия! Как и Ирод, я считал Антония образованным болваном. Но он не такой, не такой! — думал пораженный Деллий. — Он хитрый и умный. Он приберет к рукам все на Востоке, возвысив одного, унизив другого, пока цари-клиенты и сатрапы не станут целиком принадлежать ему. Не Риму — ему. Он отослал Октавиана в Италию с таким трудным заданием, что оно сломает слабого и болезненного юношу, но, если Октавиан не сломается, Антоний будет готов».

2

Когда Антоний покинул столицу Вифинии, все просители, кроме Ирода и пяти членов синедриона, сопровождали его, продолжая уверять в своей верности новым правителям Рима, не переставая жаловаться, что Брут и Кассий обманывали их, врали, принуждали, ай-ай-ай, заставляли силой!

Утомившись от восточных стенаний и причитаний, Антоний не сделал того, что делали Помпей Великий, Цезарь и остальные, — не пригласил наиболее важных из них отобедать с ним и составить ему компанию в дороге. Нет, Марк Антоний попросту не замечал их на протяжении всего пути от Никомедии

до Анкиры, единственного более менее крупного города в Галатии.

Здесь, среди холмистых, покрытых сочной травой просторов с лучшими пастбищами к востоку от Галлии, он волей-неволей вынужден был остановиться во дворце Дейотара и держаться с ним любезно. Из четырех дней, проведенных там, три были явно лишними, но за это время Антоний сообщил Дейотару, что тот пока сохранит свое царство. Его второму любимому сыну, Дейотару Филадельфу, был дарован дикий край, горная Пафлагония (которая никому не была нужна), в то время как первый и самый любимый сын Кастор не получил ничего, и старый царь, острота ума которого притупилась с годами, не мог придумать, как разрешить эту ситуацию. Для всех римлян, сопровождавших Антония, это значило, что Галатию в конечном счете ждут кардинальные перемены, которые не будут выгодны никому из потомков Дейотара. Чтобы получить информацию о Галатии, Антоний поговорил с секретарем старого царя, знатным галатийцем Аминтой, молодым, образованным, деятельным и проницательным человеком.

— По крайней мере, — весело сказал Антоний, когда колонна римлян двинулась в Каппадокию, — мы избавились от значительной части наших прихлебателей! Этот плаксивый идиот Кастор приволок даже человека, который обрезает ему ногти на ногах. Поразительно, что такой воин, как Дейотар, произвел на свет такого безупречного гомика.

Он говорил это Деллию, который теперь ехал на послушной чалой лошади, а своенравную лошадку отдал Икару, которому прежде приходилось идти пешком.

— Еще отвалился Фарнак и его двор, — напомнил Деллий.

— Фу! Ему не стоило приезжать. — Губы Антония презрительно скривились. — Он в подметки не годится отцу, а деду и подавно.

— Ты имеешь в виду великого Митридата?

— А есть другой? Вот был человек, Деллий, который почти побил Рим. Грозный.

— Помпей Магн легко победил его.

Маккалоу К.

М 15 Антоний и Клеопатра : роман / Колин Маккалоу ; пер. с англ. А. Костровой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 736 с. : ил. — (The Big Book. Исторический роман).

ISBN 978-5-389-18288-2

«Антоний и Клеопатра» — седьмой, и последний роман знаменитого цикла Колин Маккалоу «Владыки Рима». Цезарь убит, и Рим снова разделен. Лепид отступил в Африку, Антоний правит изобильным Востоком, Октавиан властвует над Западом, сердцем Римского государства. Это напряженное перемирие не дает разразиться гражданской войне, но Рим, похоже, уже готов приветствовать нового императора — подлинного наследника Юлиев, который сможет продолжить дело Цезаря. Будет ли это Антоний, в руках которого несметные богатства Востока, — закаленный воин, чью жажду власти превосходит только его страсть к женщинам, пирам и хианскому вину? Или же его соперник Октавиан — худощавый золотоволосый юноша, настолько сдержанный, хладнокровный и пронцательный, насколько Антоний безудержен и импульсивен? Клеопатра, золотоглазая царица с холодным сердцем и изощренным умом, приветствует Антония в своем дворце и на своем ложе, но желает лишь одного: посадить сына на освободившийся трон отца, Юлия Цезаря? Близится развязка, на драматическом фоне последних дней Республики разыгрывается вневременная человеческая драма, в которой любовь и политика сплетаются в неразделимый узел.

УДК 821(94)

ББК 84(8Авс)-44

Литературно-художественное издание

КОЛИН МАККАЛОУ
АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова

Редактор Татьяна Шушлебина

Художественный редактор Вадим Пожидаев

Технический редактор Татьяна Раткевич

Компьютерная верстка Ирины Варламовой

Корректоры Валентина Гончар, Юлия Теплова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 27.05.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 46. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®

115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,

Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

V-BBH-26879-01-R